

Обычно Лу Ян старался держать лавку открытой как можно дольше, но сегодня он закрылся раньше срока. Душа рвалась домой — ему нетерпелось поскорее увидеть своего маленького чжуаньюаня. К тому же сегодня у него были помощники, так что самому стоять за прилавком не пришлось. После нескольких пробежек по улице все баоцзы были распроданы, овощи управляющему Вану доставлены, и можно было со спокойной совестью заканчивать работу.

Хозяин Дин из соседней винной лавки, завидев, как быстро опустели корзины-пароварки, подошел к дверям.

— Хозяин Лу, неужто торговля закончена? — усмехнулся он. — Дай мне сто лянов, и я научу тебя варить вино. Будешь делом заниматься, а не баоцзы лепить.

Лу Ян не сдержал смеха:

— Хозяин Дин, мы же с вами не первый день знакомы, а вы всё шутки шутите.

На самом деле Лу Ян и сам хотел поговорить с ним о деле. Он всё думал о младшем брате, Лу Лю. В деревне Ли, где тот жил, было много охотников, а мужчины там народ пьющий. Особенно зимой, уходя в горы, каждый брал с собой бурдюк с вином, чтобы согреться. Лу Ян разузнал об этом еще до свадьбы, и теперь эти знания могли сослужить добрую службу.

Если хозяин Дин согласится, Лу Ян мог бы брать у него товар — скажем, цзиней тридцать-пятьдесят за раз. Ли Фэн забирал бы вино в деревню Ли, и брат мог бы приторговывать им прямо в общине. В лавке Лу Яна были еще семечки, арахис, сушеные финики и грецкие орехи, даже мука и рис. Всё это можно было отправить в деревню на пробу: что пойдет хорошо — брать больше, что нет — вернуть назад.

Конечно, без собственного ремесла — как, например, у самого Лу Яна с его баоцзы — прибыль будет невелика. В деревне народу мало, в месяц выйдет от силы несколько сотен вэней. Но жизнь в горах недорогая, и такой приработок помог бы брату подсобить семье, а значит, и его положение в доме Ли стало бы прочнее.

«Надо будет шепнуть об этом Ли Фэну при встрече, — решил Лу Ян. — Пусть видит мою добрую волю».

Сегодня он лишь перебросился парой слов с хозяином Дином, закинув удочку, а подробный разговор отложил на потом. К Дину часто заглядывали разносчики, которые, как и торговцы маслом, бродили по улочкам и переулкам, предлагая товар. Но в глухие деревни они не совались, и Дин об этом рынке даже не задумывался.

— Неужто вы так плохо думаете о деревенских? — подмигнул Лу Ян. — Вот увидите, еще локти кусать будете.

Уже закрывая последнюю створку двери, он как бы невзначай добавил:

— Хозяин Дин, а вы дичь любите? Муж моего младшего брата — охотник, может оставлять для вас самое свежее.

Дин только рассмеялся. Зашел поболтать, а Лу Ян его уже со всех сторон обложил предложениями. Впрочем, от дичи он бы не отказался — в последнее время так и тянуло на что-нибудь эдакое.

— Спрошу у домашних, — ответил он. — На днях загляну, скажу.

— Договорились!

Лу Ян запер дверь и позвал Лу Линя. В переулке у задней двери их уже ждал Ша Чжу на ослиной повозке.

Лу Линь так и светился от восторга. Шутка ли — первый день в настоящем деле! Ощущение медных монет, проходящих через руки, кружило голову.

— Ян-гээр, ну и хватка у тебя! — воскликнул он. — С такой смекалкой добрые времена не за горами. А я-то всё горевал, как вы тут выживать будете: в доме один мужчина, земли толком не обработать... Теперь-то я понял, почему все так в уезд рвутся. На одной земле далеко не уедешь!

— В уезде тоже не сахар, — возразил Лу Ян. — Жалованье там копеечное, а если наткнешься на бессердечного хозяина — за месяц упашешься так, что и на еду не хватит. Желающих много, мест мало. Стоит хозяину пригрозить увольнением, как ты сам бежишь просить, чтобы платили меньше, лишь бы не выгнали. Жизнь — штука тяжелая.

Открыть свою лавку — задача не из легких. Девять из десяти отсеиваются еще на этапе мастерства. А оставшиеся не всегда выдерживают давление — слишком много желающих прибрать к рукам чужое добро, как это случилось с соевой мастерской семьи Чэнь.

Земледелие — тяжелый труд, но то, что вырастил, — твоё. Если в семье много рук, можно еще кур разводить или плести циновки из бамбука — вот и копейка в дом. У каждого пути свои плюсы.

За разговорами они и не заметили, как добрались до поворота к деревне Шансицунь. Из четырех деревень к западу от уезда эта была самой ближней. Еще издали Лу Ян заметил старое дерево у входа в селение. После снегопада оно стояло совсем нагим, растопырив голые ветви.

Под деревом, вглядываясь в дорогу, замер Се Янь. Он стоял, втянув голову в плечи и спрятав

руки в рукава, точь-в-точь как маленький старичок. Но стоило ему увидеть повозку, как он мгновенно выпрямился, и в его облике появилось небывалое оживление.

«Ожил мой камень ожидания», — подумал Лу Ян, и на сердце стало невыносимо тепло.

Лу Линь не упустил случая подшутить над ним, но Лу Ян лишь глупо улыбался в ответ.

— Ничего не поделаешь, — пробормотал он. — Ученые люди — они такие... привязчивые.

В деревне уже сгущались сумерки, из труб тянулся дымок — хозяйки готовили ужин. Лу Ян торговал в уезде уже какое-то время, но односельчане всё никак не могли привыкнуть. Те, кто не видел их утреннего отъезда, теперь выглядывали из-за ворот, провожая повозку взглядами.

Лу Яну до них не было дела. Как только повозка поравнялась с Се Янем, он спрыгнул на землю, предоставив остальным ехать дальше.

Глаза Се Яня сияли, в них отражались первые звезды. Лу Ян почувствовал, как внутри всё сладко сжалось — так и подмывало схватить этого чжуаньюаня и зацеловать до беспамятства. Его взгляд был словно крючок, и Лу Ян, попадись он на него, точно не ограничился бы простым поцелуем — искусал бы всего. «Тонкая кожица, ароматная начинка», — подумал он, облизнувшись.

Ему было так хорошо, что улыбка не сходила с лица. Се Янь протянул ему горсть очищенных семечек — он чистил их дома, боясь, что на улице руки вспотеют и испачкают лакомство. Набралось почти полмиски.

— Утром немного поспал, в следующий раз начищу больше, — пообещал Се Янь.

Лу Ян не то чтобы очень любил семечки или орехи — всё это казалось ему слишком жестким, — но отказать не мог.

— Вот съем эти, тогда и начистишь, — хихикнул он.

Се Янь довольно кивнул.

Дома ужин еще не был готов. Лу Ян вымыл руки и хотел было помочь на кухне, но Чжао Пэй-лань выставила его вон.

— Почти всё готово, иди погрейся у печи.

Печь стояла в главной комнате. На маленьком квадратном столике сиротливо стояла миска с

семечками — Се Янь преподнес её Лу Яну как величайшее сокровище. Тот взял одну семечку, и она показалась ему необычайно сладкой.

Лу Ян попытался угостить Се Яня в ответ, но тот плотно сжал губы, отказываясь. Только когда Лу Ян настойчиво велел ему открыть рот, он съел несколько штук. Раньше они тоже грызли семечки, но сегодня они были вкуснее обычного.

Примостившись рядышком, Лу Ян спросил:

— Хочешь посмотреть представление?

Се Янь, еще не привыкший к иносказаниям мужа, понял всё буквально. Он давно не видел бродячих актеров, да и стоило это дорого.

— А ты хочешь? — спросил он.

Лу Ян кивнул:

— Пойдем, найдем кого-нибудь, пусть споют для нас.

Се Янь растерялся:

— Прямо сейчас? Так поздно? Может, завтра?

Лу Ян потянул его за руку:

— Завтра дела, некогда будет. Думаю, если сегодня позовем, завтра как раз и запоют. Пойдем, надо сначала «пригласить» актеров.

Он ни на миг не забывал о долгах. Сегодняшняя забота Се Яня растрогала его, и он решил действовать решительнее. Прикинув, сколько дней Ша Чжу отработал на него, Лу Ян решил, что пора платить.

В их комнате стояла бамбуковая корзинка для денег. Лу Ян достал оттуда связку монет. В ней было ровно сто вэней — за работу человека и осла с повозкой этого было ничтожно мало, но Лу Ян и не собирался платить по-настоящему. Это был лишь жест, повод.

— Не смотри, что Ша Чжу притих, не вздумай его жалеть, — наставлял он мужа. — Наша высшая милость в том, что мы не изводим его вконец. Но урок он получить должен, иначе, как только всё уляжется, он снова начнет перед нами прыгать.

Се Янь и не собирался никого жалеть. В этой деревне добрых людей можно было пересчитать по пальцам, да и те не могли заткнуть рты злыдням. В день их свадьбы нашлись те, кто за них заступился, но их было слишком мало.

Он послушно шел за Лу Яном, глядя на его воодушевленное лицо. Заметив, что Се Янь молчит, Лу Ян обернулся и увидел, как тот тихонько улыбается, глядя на него. Лу Ян самодовольно хмыкнул.

До дома Ша Чжу было приличное расстояние. Предупредив матушку Чжао, супруги вышли со двора.

Стемнело. Они зажгли фонарь и медленно пошли по деревенской тропе. Быстро идти не получалось — после оттепели дорога превратилась в месиво из грязи и луж. То и дело кто-нибудь поскользнулся, оглашая окрестности руганью.

Се Янь наслаждался этой тишиной. В нем проснулся романтик: пусть под ногами грязь, зато над головой ясная луна и звезды, а рядом — любимый человек. Вокруг темнели силуэты глинобитных хижин, и, когда жители не скандалили, в деревне царил покой. Люди, привыкшие к нужде, умели радоваться малому, и смех то и дело доносился из-за заборов.

Се Янь начал негромко читать стихи об отшельниках, которые Лу Ян никогда раньше не слышал.

Лу Ян знал грамоту лишь отчасти. Старина Чэнь когда-то отдавал сыновей в школу, но те оказались неспособны к учебе и вскоре вернулись домой. Лу Ян им завидовал: в школе давали вкусную еду, покупали новую одежду и обувь, не нужно было работать в поле... Стоило им вернуться и пробормотать пару заумных фраз, как отец расплывался в улыбке и начинал их нахваливать.

Свои первые иероглифы Лу Ян выучил по вывескам лавок. Одно время он обожал крутиться возле трактиров — там было много табличек с названиями блюд. Так, понемногу, он запомнил немало знаков.

Позже, когда братья Ло пошли учиться, Лу Ян бегал за ними хвостиком, льстил и выпрашивал уроки. Но братья и сами учиться не любили, в голове у них был один ветер, так что учителями они были никудышными.

Чем старше становился Лу Ян, тем больше на него наваливали работы. Знания, не находя применения, забывались. Считать он научился только под страхом побоев и голода — нужда заставила всё держать в уме.

Потом в их переулок переехал старик-резчик по дереву. Он был очень грамотным, постоянно имел дело с книгами. Лу Ян снова загорелся, стал захаживать к нему, помогать по хозяйству, и старик понемногу учил его не только буквам, но и житейской мудрости.

Стихов он не знал — некогда было. Писать не умел — не на чем было тренироваться. Как-то он зашел в книжную лавку, но те иероглифы, что он знал по вывескам, в книгах выглядели совсем иначе. В памяти остались лишь те немногие знаки, которые он до дыр затирает глазами, когда тайком учится ремеслу резчика.

В обычной жизни он мог прочесть вывеску или поддержать разговор, но по сравнению с Се Янем он всё еще был почти слепцом.

— Мне нравится, как это звучит, — сказал он мужу. — Запиши мне их потом, я буду смотреть на них каждый день.

Се Янь, обрадованный, прочел еще пару строк:

«О, прекрасная дева, лик твой в сердце моем,

День не вижу тебя — и тоскую, как в бреду ночном».

Смысл был прост и понятен. Лу Ян почувствовал, как к щекам прилила кровь. Ему стало неловко.

«Неудивительно, что в книжных историях столько девиц и гээров теряют голову от книжников, — подумал он. — Посмотрите только: даже мой косноязычный чжуаньюань умеет читать любовные стихи!»

За разговорами они дошли до дома Ша Чжу. Лу Ян, не заходя во двор, зычно крикнул:

— Ша Чжу! Ты дома?!

Его голос прозвучал как гром среди ясного неба. Не успело эхо затихнуть, как Ша Чжу уже выскочил на крыльцо.

Дверь распахнулась, явив взору освещенную комнату, где за большим столом ужинала вся семья. Все как один уставились на незваных гостей. Матушка Ша Чжу, не в силах усидеть на месте, выбежала следом за сыном.

Она уже давно затаила обиду: сын работает задаром, ослика гоняют в хвост и в гриву... Каждый день Ша Чжу возвращался из уезда и рассказывал, какой Лу Ян грозный и властный. На сердце у неё было беспокойно, словно над головой занесли меч. О долгах она уже и думать забыла — лишь бы Лу Ян оставил их в покое.

Но, оказавшись перед ним, она лишь заискивающе улыбалась, не смея вымолвить ни слова упрека.

Лу Ян, сделав вид, что не замечает её состояния, громко произнес:

— Ша Чжу в эти дни трудился не покладая рук, да и ослика вашего я использовал. Я об этом помню. Вот, вернулся сегодня пораньше и зашел отдать ему жалованье. Чтобы при всей семье, и никто не сказал, что я кого-то обделил.

Сто взней — сумма для такой работы смехотворная. Но мать с сыном, не ожидавшие вообще ничего, были так поражены, что рассыпались в благодарностях.

— Неужто и впрямь жалованье? Спасибо тебе, Супруг Лу! Вот и мой дурень на уездный хлеб перешел!

«На таком хлебе ноги протянешь», — подумал Лу Ян, а вслух сказал с милой улыбкой:

— Лавка только открылась, расходов много, так что пока так. А как разбогатеем — я о нем не забуду!

Ша Чжу втайне молил лишь об одном: чтобы Лу Ян поскорее нашел настоящего помощника, купил своего осла и перестал его мучить. Он подал знак матери, и та сразу поняла. Зимой еще можно было так тратить время, но весной Ша Чжу, как главный работник в доме, будет нужен в поле.

— Он у меня нескладный, на язык тугой, — начала матушка Ша Чжу. — Пока у тебя людей нет, пусть помогает, а как дело наладится — найми кого получше. Вот хоть брат твой Линь — он куда расторопнее моего дурня!

Они начали бояться — а значит, план Лу Яна сработал наполовину.

— Как же так? — вкрадчиво добавил Лу Ян. — Я ведь вам еще серебро должен.

Матушка Ша Чжу едва не выпалила, что они ничего не должны, но вовремя прикусила язык. В этих запутанных счетах черт ногу сломит. Лу Ян пристально посмотрел на неё, и на его губах заиграла странная улыбка.

— Ну, нам с Се Янем пора ужинать, не будем задерживаться.

Хозяйка и не думала их задерживать. Лу Ян еще немного постоял у их ворот, замечая, как соседи любопытно выглядывают из окон.

Когда супруги двинулись в обратный путь, любопытные головы тут же скрылись. Лу Ян взял Се Яня за руку. Тот нес фонарь, и им приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не угодить в грязь.

— Видел их? — спросил Лу Ян. — Точь-в-точь как ты, когда подглядываешь за мной.

Се Янь смутился:

— Неужели я так же... тайком?

Лу Ян рассмеялся:

— Конечно! Высунешься наполовину из-за дверного косяка и думаешь, что тебя не видно. Признайся, ты ведь специально меня соблазнял?

Се Янь задумался. Он и впрямь хотел привлечь его внимание. А привлечь — это в каком-то смысле и есть соблазнить.

— Да, — кивнул он. — Специально.

Лу Ян расхохотался так громко, что Се Янь испугался — не заболел бы у него живот от такого смеха. Он хотел было придержать мужа, но тот не дался.

— Не бойся, я привычный!

Они еще поддразнивали друг друга, когда со стороны дома Ша Чжу донеслись крики и ругань.

— Люди, глядите! Матушка Ша Чжу взяла деньги у семьи Се! Бедные люди спину гнули, а она всё до копейки прибрала! Идите все сюда, пусть видит вся деревня!

Лу Ян сразу узнал голос — это был Сунь Эр-си. Пострел везде поспел, начал представление раньше времени.

Глаза Лу Яна азартно блеснули. Забыв об ужине, он потащил Се Яня обратно, пробираясь сквозь толпу сбегающих на шум односельчан.

У дома Ша Чжу уже кипели страсти. Матушка Ша Чжу яростно спорила с Сунь Эр-си, а её домочадцы подпевали:

— Что ты мелешь, пустозвон! Язык бы тебе отсох! Это честное жалованье Ша Чжу!

Прошло полмесяца с тех пор, как Се Янь придумал план, а Лу Ян начал сеять раздор. Лу Ян еще и Лу Линя попросил пустить слух, будто его заработанные тяжким трудом деньги кто-то забирает, а кто — не сказал.

Семья Ша Чжу и Сунь Эр-си давно враждовали. Матушка Ша Чжу, поверив наветам Лу Яна, повсюду трезвонила, что Сунь Эр-си прикарманил четыре ляна серебра. Тот не мог оправдаться и на своей шкуре почувствовал, каково было семье Се все эти годы.

Но Сунь Эр-си был не из тех, кто спускает обиды. Он поднял на ноги всю свою родню, чтобы окончательно замутить воду. В деревне у каждого были свои скелеты в шкафу, каждый кому-то был должен. И теперь, благодаря стараниям Сунь Эр-си, выходило, что вся деревня поживилась за счет Се Яня. Но семья Ша Чжу — больше всех!

— Иначе с чего бы им так выслуживаться! — орал Сунь Эр-си. — Говорят — жалованье, а вы и уши развесили! Кто ж жалованье целыми связками раздает!

Матушка Ша Чжу, опытная в скандалах, тут же перешла в атаку:

— Ты сам у Се Яня серебро вымогал! Совесть потерял, а теперь на нас валишь? Люди, скажите, разве не этот ирод четыре ляна у них вытянул?!

В деревне у каждого на каждого был зуб. Стоило кому-то оступить, как его тут же начинали топтать. Сунь Эр-си так долго поливал всех грязью, что теперь, когда матушка Ша Чжу задала свой вопрос, многие хором ответили:

— Верно! Ты и взял!

Для Сунь Эр-си это было самое болезненное место. Он запрыгал от ярости:

— Да, я требовал долг! Но разве я его получил?! Разве я один требовал? Разве я первый пришел? Я просто крикнул пару раз за компанию! А вот Ша Чжу и его семейка — настоящие звери! Другие только шумели, а эти — гребут под себя!

Но когда речь зашла о долгах, матушка Ша Чжу уже не боялась.

— «За компанию»? Да ты так долго орал, что сам в свою ложь поверил! Сердце у тебя черное! Обидел вдову с сиротой! Выдумал долг в два ляна, да еще и дважды его содрать хотел!

Невестки и зятя Ша Чжу подхватили:

— Живешь в большом доме, с молодой женой, сладко ешь, а всё тебе мало — решил у бедняков последнее отнять! Наша мать вывела тебя на чистую воду, так ты теперь на нас грязь льешь? Бог тебя покарает!

Сунь Эр-си не мог оправдаться. Он клялся и божился, что не брал денег, тем более дважды, но ему никто не верил.

— Чтоб мне на этом месте провалиться, если я хоть медный грош взял!

— Се Лао-сы вон даже в поминальном зале бесчинствовал, и то молния не убила, — парировала матушка Ша Чжу. — И не о грошах речь, а о четырех лянх! Деньги проел, а теперь шум поднял — и денег хочется, и честное имя сохранить? Ишь, размечтался!

Сунь Эр-си был загнан в угол. Видя, что спор проигран, он снова принялся брызгать слюной на всех подряд. Кто его обвинял — тот и вор. Но больше всего доставалось матушке Ша Чжу.

— И ты брала! Заставила сына в лавке торчать, и все деньги, что эти двое зарабатывают, Ша Чжу домой тащит!

Матушка Ша Чжу не могла логично опровергнуть это. Если она не брала денег раньше, то почему сын работал бесплатно? Если она хотела замять дело с судом, то почему Эр Си и Сань Гуй сидят дома, а её сын надрывается? Если это были деньги за овощи, то почему их было так много?

Она запуталась в собственной лжи и попала в ловушку. Сунь Эр-си снова взял верх:

— Брала ты или нет — ты сама знаешь, и люди видят!

Матушка Ша Чжу снова вернулась к теме долга:

— Если ты взял серебро, это не значит, что другие такие же! Ша Чжу работал? Работал! Осел наш возил? Возил! Мы берем плату за труд, и это справедливо! Не верите — спросите Супруга Лу!

А «Супруг Лу» со своим чжуаньюанем тем временем стояли в сторонке и наслаждались зрелищем.

— Давай, давай! — подначивал Лу Ян. — Почему они еще не подрались?

Се Янь, чей фонарь давно погас, обнимал мужа, боясь, что тот от волнения снова почувствует боль в животе. Те, кто замечал их в толпе, быстро отводили глаза — никто не хотел ввязываться в это дело.

И тут Сунь Эр-си, окончательно потеряв голову от злости, выкрикнул:

— Да, я пришел за долгом! И что, вы хотите сказать, что сами бы отказались от денег?! Молчите? То-то же! Сами жадные до чужого, а на меня лаетесь! Просто у меня хватило духу деньги забрать, вот у вас глаза от зависти и покраснели!

Матушка Ша Чжу торжествующе взвизгнула:

— Слышали?! Слышали?! Он признался, что взял деньги!

Лу Ян захопал в ладоши. Се Янь тоже смотрел на Сунь Эр-си сквозь толпу. Их слова о том, что долг в четыре ляна уже выплачен, теперь были подтверждены самим «кредитором». Сегодня здесь было много свидетелей, и матушка Ша Чжу не даст этому делу заглохнуть. Теперь Сунь Эр-си не отвертеться.

Дальнейшую перепалку слушать не было смысла. Лу Ян, всё еще хлопая в ладоши, потянул Се Яня домой — ужинать.

Деревня словно вымерла — все собрались у дома Ша Чжу. В тишине обратного пути Лу Ян тихо спросил:

— Се Янь, тебе не страшно?

Се Янь был возбужден, кровь в нем кипела. Если бы Лу Ян захотел остаться, он бы простоял там хоть до утра.

— Нет, не страшно.

Лу Ян кивнул и добавил:

— Я всегда так дела веду. Ты привыкнешь?

— Мне нравится, — ответил Се Янь. — Научи меня.

Лу Ян улыбчиво прищурился:

— Ладно. Но сначала — еда.

Чжао Пэй-лань ждала их у ворот. Хоть жизнь в доме и наладилась, она всё еще боялась выходить в деревню. Даже здесь были слышны крики от дома Ша Чжу. Она места себе не находила, боясь, что дети впутались в беду, и уже собиралась идти на поиски, как увидела их — идущих рука об руку.

— Скорее, — позвала она. — Всё остынет!

На ужин было рагу. На печи в глиняном горшке томилась капуста, сваренная на бульоне из двух рыбьих голов. Чжан Тэ принес их — он жил с родителями и братьями, и принести целую рыбу было неловко, ведь все деньги шли в общий котел.

В доме давно не видели рыбы, и Чжао Пэй-лань приготовила её, пока была свежей. Се Янь усадил Лу Яна, сам принялся разливать еду. Он был необычайно словоохотлив, в красках пересказывая подробности ссоры и не скупясь на похвалы мужу.

— Матушка, скоро от наших долгов и следа не останется.

После такой публичной грызни все мнимые долги рассыплются в прах. Чжао Пэй-лань слушала, кивая, и глаза её то и дело наполнялись слезами. Она то и дело подкладывала Лу Яну лучшие кусочки. Чжан Те изо всех сил старался отрезать головы так, чтобы на них оставалось побольше мяса с брюшка, и мать заботливо переложила эти кусочки в миску Лу Яна.

— Спасибо, матушка! Я очень люблю рыбу! — искренне поблагодарил он.

В доме воцарился покой и радость. После ужина и вечерних хлопот все разошлись по комнатам. Сегодня куриного супа не было, и Се Янь выглядел разочарованным.

Лу Ян поддразнил его:

— Неужто ты только на моё тело и заришься?

Но потом его тон стал серьезным:

— Мне нужно тебе кое в чем признаться.

Се Янь словно предчувствовал это. Он хотел остановить его, хотел убежать, спрятаться, лишь бы не слышать того, что последует дальше. Он давно заметил, что его фулан изменился, но боялся об этом думать. И вот теперь скрывать правду стало невозможно.

Ему было больно. Лу Ян вошел в их дом в самое тяжелое время, не видел ни одного спокойного дня, трудился с утра до ночи, разгребал старые долги и умирнял деревенских негодяев. Се Яню было невыносимо жаль его. Он не хотел, чтобы Лу Ян уходил, но понимал, что тот имеет на это право.

— Я знаю, — глухо произнес он, сжав губы.

Лу Ян решил, что этот момент должен быть торжественным. Он вытянул Се Яня из-под одеяла, и они сели на кане друг против друга, накинув на плечи ватные куртки.

К этой маленькой, тесной комнатке Лу Ян уже привык. Она больше не казалась ему давящей — наоборот, здесь было уютно. Стоило повернуться, и ты уже в объятиях своего чжуаньюаня. Кан был коротким, и, когда они ворочались, то и дело задевали стены, с которых сыпалась пыль.

В такие моменты Се Янь всегда ужасно смущался. Лу Ян обещал ему, что когда-нибудь обклеит эти стены его рукописями, чтобы слова мудрецов взирали на их бесстыдство. Се Янь краснел, и это придавало ему сил — он старался двигаться так, чтобы выбить из Лу Яна все эти дерзкие мысли.

Лу Ян тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Сейчас не время. Он взял Се Яня за руки. Оба нервничали.

— Я узнал об этом сегодня днем, — начал Лу Ян. — Долго думал, как сказать. На сердце было беспокойно, я хватался за дела, поехал в деревню посмотреть это представление... Даже про стены вспомнил.

— Может, тогда не будем говорить? — с надеждой спросил Се Янь.

Его наивность и преданность придали Лу Яну сил. Комок в горле исчез.

— Я — Лу Ян. Ян, как дерево.

Се Янь тихо повторил:

— Лу Ян.

Он произнес это имя почти шепотом, но руки его сжались так крепко, что пальцы Лу Яна покраснели. Лу Ян посмотрел на их переплетенные руки, и на душе стало окончательно ясно.

— Я — твой фулан.

Радость Се Яня была безграничной. Страх сменился восторгом, напряжение ушло, и он, наконец, разрыдался. Лу Ян вытирал его слезы:

— Ну что ты, совсем не как мужчина.

Се Янь не выпускал его рук. Его голос дрожал, но в нем звучала твердость:

— Научи меня быть им.

Лу Ян поцеловал его. Он хотел этого еще с того момента, как они въехали в деревню. И, как он

и думал, одним поцелуем дело не ограничилось — он принялся покусывать его, пробуя на вкус своего (с тонкой кожей и ароматной начинкой) чжуаньюаня.

<http://bllate.org/book/16991/1589008>